

ОБРАЗ РЕБЕНКА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Т.В. ХЛЫБОВА
(Москва)

«ЧАДО МАЛОЕ» В РУССКИХ ДУХОВНЫХ СТИХАХ

В науке о человеке долгое время господствовало мнение авторитетного французского антрополога, основоположника современной истории детства Филиппа Ариеса о том, что средневековый человек не осознавал специфической природы детства и смотрел на ребенка как на маленького взрослого [Ариес 1977; об этом: Кон 1988, 7]. Подтверждение этого положения на русском материале исследователи находили как в домосковской иконописи, так и в древнерусской литературе. Согласно бытовавшей точке зрения, несмотря на то, что новое время было отмечено особым интересом к ребенку, образы «детских детей» [Берковский 1973, 42] во всех сферах культуры появляются лишь с эпохи романтизма. Столь позднее открытие детства оспаривается в работах последних десятилетий, где речь идет о разных стадиях в «истории детства», о роли христианства в изменении отношения к ребенку [Кон 1988; Пушкарева 1996, 93; Николас 1994, 304—305]. Так, давно замечено, что культ Богородицы способствовал формированию нового отношения к материнству, а затем и к младенчеству [См. об этом: Пушкарева 1996, 99]. Указывалось и на роль «церковных критериев» в символической стратификации этапов роста [Бернштам 2000, 114—131].

Хронологический рубеж детства, как и выделение разных возрастных периодов человеческой жизни, — явление историческое. Если мы обратимся к литературным памятникам древности, то обнаружим, что Толковая Палея — памятник, вобравший и апокрифические, дохристианские воззрения, выделяет четыре периода жизни человека, соответствующие четырем временам года: «Если же снова начать говорить о

символическом значении сменяющих друг друга четырех времен года, то весна подобна рождению и младенчеству (др.-рус. «младенству») человеческого существа. Когда Солнце поднимается всё выше и увеличивает продолжительность дня, тогда распускается зелень. Когда же злаки и плоды, напитавшись вешним соком, набухают от солнечного тепла, то этот период времени называют летом. То же видим и у человека: когда дитя (др.-рус. «детшце») входит в возраст, он бывает слаб костями, его суставы и кости не крепки. Вхождение в возраст мужества подобно наступлению осени. Как исступленное Солнце иссушает всякие злаки и они становятся спелыми, так и человек, пришедший в возраст мужества: все кости его тела твердеют и костные хрящи крепнут, костная кровь превращается в мозг и головной мозг становится полностью <зрелым>. Зимой же мы уподобляем старости» [Толковая Палея 2002, 30].

По мнению исследователей, подобные аллегории генетически связаны с дохристианскими воззрениями [Толковая Палея 2002, прим. 81]. Согласно христианской книжности, человеческая жизнь состоит из семи ступеней: 1) младенчество (несмышленность), 2) отрочество (возбуждение страстей), 3) зрелое отрочество (приход в разум), 4) юношество (зрелость, совпадающая с неистовой «буестью»), 5) средовик (совершенство), 6) старчество (совершенство разума, сопряженное с физическим утверждением), 7) смерть (дряхлость, болезни). Возрасты уподобляются семи дням творения, семи дням пребывания Адама в раю, семитысячелетнему циклу мировой истории [Толковая Палея 2002, прим. 81]. Как видим, христианская модель человеческих возрастов, во всяком случае до периода «мужества» («совершенства»), более дробная, что косвенно указывает и на более внимательное отношение к этому этапу человеческого существования.

Рассмотреть, как отразилось это новое отношение в русском фольклоре, как оно

преломилось эстетически, — задача большого исследования. Здесь хотелось бы поделиться некоторыми наблюдениями над эволюцией традиционных для русского фольклора мотивов, связанных с темой детства, в духовных стихах.

Многие «старшие», «эпические» стихи, что неоднократно отмечалось исследователями, напоминают былины. С былинной их связывает не только манера исполнения, но и наличие общих структурных единиц. Так, экспозиционной частью стихов о Егории Храбром является героическое детство. Этот сюжетно-композиционный элемент, реализованный в героических эпосах и Востока и Запада, характеризуется как «сходством сюжетно-стилистических клише», так и «однородностью и ограниченностью эпических тем и мотивов» [Неклюдов 1974, 129]. Назовем их: *чудесное зачатие* или симметричное ему *чудесное рождение* (реакция окружающего мира — потрясения в природе, необычный облик младенца); мотив *наращения имени*; *магическая неуязвимость героя*; исходная семейная ситуация — *мотив сиротства*; *необыкновенные способности (умение) героя*; опасное поручение — *первый подвиг героя*, связанный преимущественно с мезью.

В духовном стихе о Егории Храбром присутствуют некоторые элементы героического детства. Во-первых, *чудесное рождение*, которое в некоторых вариантах строится по известному эпическому трафарету — описание потрясений в природе, сопровождающих рождение могучего богатыря:

*Иише туры, олени по горам пошли,
Иише серы-ти зайушки по засекам,
Иише беленьки горносталюшки по тёмным
лесам;
Тут ведь рыбина ступила во морьску
глубину;
Иише на неби взошел да млад светел
месяц, —
На земли зародилсэ могуць богатырь
Да по имени Егорей-свет Храбрыя.*

[Марков 2002, № 24; ср. также № 89, 195, 238]¹.

Природные катаклизмы сопровождают появление на свет героев разных эпосов — монгольского Сэсэра, нартского (осетинского) Айсаны, эддического Хелги, былин-

¹ Данный мотив встречается только в указанных четырех беломорских стихах.

ных Вольги и Святогора [см. об этом: Неклюдов 1974, 131]. Мотив потрясений в природе исследователи относят к древнейшему, архаичному слою эпоса, где сохранились сказочно-мифологические следы. В некоторых вариантах природные катаклизмы сопутствуют и рождению Добрыни, однако, по мнению исследователей, это едва ли не позднее наделение Добрыни качествами архаического героя [Селиванов 1988, 524]. Появление данного мотива в тексте духовного стиха тоже можно считать позднейшим наслоением, но сам факт перенесения архаических черт на образ относительно нового для русской эпической традиции героя христианской истории не может не обратить на себя внимания².

В указанных выше беломорских и некоторых других вариантах портрет героя представлен как своего рода реализация эпитета «свет» («свет-Егорий»):

² Благодарю В.А. Бахтину за указание на возможность более позднего изменения семантики данного мотива. Как представляется, он заимствован из былин. Сравним:

*А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молоды Волх Всеславьевич.
Подрожала сыра земля,
Встряслося славно царство Индейское,
А и синя моря всколыбалося
Для-ради рожденья богатырскова
Молода Волха Всеславьича.
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы — по чащицам,
А волки, медведи — по ельникам,
Соболи, куницы — по островам.
[Кириша Данилов 2000, № 6].*

Не исключено, что значение мотива переосмыслялось певцом, в частности, под влиянием христианской книжности. Так, в 103-м псалме, где изображается история творения земли, читаем: «Насытятся древа польская, кедри ливанстии, ихже еси насадил. Тамо птицы возгнездятся, еродиево жилище предводительствует ими. Горы высокая еленем, камень прибежище заяцем. Сотворил еси луну во времена: солнце позна запад свой. Положил еси тьму, и бысть ночь, в нейже пройдут вси зверие дубравнии: Скимни рыкающие восхитити, и взыскати от Бога пищу себе. <...> Изыдет человек на дело свое и на делание свое до вечера» [Пс. 103: 16—23]. Однако правильность подобного предположения, во-первых, требует дополнительных исследований, во-вторых, приходится допустить, что и в былине подобное переосмысление могло иметь место.

*Как во лбу-ту у Егорья красно солнышко,
В затылу-ту у Егорья млад светел месяц,
По косицям мелки звезды катаютьце,
За ушми-ти белы зори замыкаютьце.*
[Марков 2002, № 89].

Описание младенца Егория (учитывая, что в будущем это богатырь, которому предстоит сражаться с грозным врагом) не сочетается с традициями волшебной сказки и былины и скорее напоминает рождение светоносного божества, архаические представления о котором сохранились и в Голубиной книге в описании Бога-творца. На вопросы об источнике белого света, солнца, месяца, зари утренней и вечерней, темной ночи и звезд премудрый царь Давид Евсеевич отвечает:

*А и белой свет — от лица Божья,
Солнце праведно — от очей его,
Светел месяц — от темечка,
Темная ночь — от затылечка,
Заря утреня и вечерня —
от бровей Божьих,
Часты звезды — от кудрей Божьих!*
[Кирша Данилов 2000, № 60].

Еще один вариант портрета чудесного младенца тоже представляет собой весьма архаичный мотив — «по локоть руки в красном золоте, по колена ноги в чистом серебре» [Бессонов 1861 — 1864, № 105]. Аналоги этой чудесной черты известны мировому фольклору: в хакасских сказках герой — «наполовину из золота, наполовину из серебра», в алтайских сказках — «с золотой спиной и серебряным задом», «грудь из золота, спина (зад) из серебра» и т.д. [см. об этом: Жирмунский 1960, 194].

Итак, свет Егорий в духовном стихе наделен признаками, характерными для героев сказочно-мифологического пласта эпоса. Функция мотива аналогична традиционной былинной — выделить героя, указать на необыкновенные качества будущего победителя.

В стихе присутствует и *мотив сиротства*. Царь Кудреянище

*князей, бояр всех повьрубил,
Благоверного князя Федора
Он под меч склонил, голову срубил.
Оставалось чадо малое
Молодой Егорий Светло-Храбрый.*
[Варенцов 1860, 95].

Традиционные эпосы обычно мотивируют первый подвиг героя — его расправу с врагом — необходимостью кровной мести: сын узнает, от чьей руки погиб отец, и мстит за его смерть. В ряде вариантов стиха цель поездки Егория по Руси — месть за отца. Обращаясь к матери с просьбой о благословении, герой говорит:

*Я проль-то, пролью-ту кровь тотарьскую,
Отобью, отмишу я кровь
христианьскую, —
За своёго за батюшка за родимого.*
[Марков 2002, № 24].

Однако большое количество вариантов уходит от этой традиции, и рядом с местью появляется задача утверждения христианской веры: герой собирается к врагу, чтобы

*Открыть ему кровь бусурманскую,
Утвердить веру христианскую.*
[Бессонов 1861 — 1864, № 99, 100, 102, 103 и др.].

В отдельных текстах задача утверждения христианства на Руси абсолютизируется и о мести нет ни слова. Герой, обращаясь к матери, просит:

*Осударья моя матушка,
Премудрая София!
Воздай мне свое благословение:
Поеду я по всей земле светло-русской
Утверждать веры христианския.*
[Бессонов 1861 — 1864, № 110; ср. также: Романов 1891, № 6; Ляцкий 1912, 108].

В последнем случае мотив сиротства теряет свою сюжетную значимость и, как сиротство былинных богатырей, сохраняет только традиционно-орнаментальные функции³.

Мотив *необыкновенных способностей героя* в духовных стихах неустойчив. По нашим наблюдениям, он встречается лишь в двух вариантах: это «быстрый рост», владение конем в пять-шесть лет [Озаровская 1922, 84; Марков 2002, № 89]. Иногда композиционное место этого мотива занимает описание особого благочестия ребенка:

³ Здесь, однако, следует отметить, что мотив сиротства хорошо знаком христианской житийной традиции и имеет свою семантику [см. об этом: Бернштам 2000, 124].

*Возрастает Георгий Храброй <...>
От добра дела не отходячи,
Святым словом огражаючи,
Миру крещеному угрожаючи.*
[Ляцкий 1912, 108].

Международный мотив *неуязвимости героя*, известный русской былине как предсказание Илье Муромцу (ему «*смерть в бою не писана*»), можно соотнести с эпизодом мучений Егория Храброго неверным царем, который приказывает мучить Егорья муками «разноличными»: «*в топоры рубить*», «*во пилы пилить*», «*во котел сажать*» и т. д. Но орудия пыток ломаются, мучители устают, а сами мучения не причиняют никакого вреда герою: «*ничего Егорью не подеялось*» [Бессонов 1861 — 1864, № 102], «*Егорья света ништо неймет*» [Там же, № 114], «*Ничего Егорью не вредилося*» [Там же, № 100, 105, 106].

В религиозной поэзии народа складывается определенная традиция прославления святых мучеников. К мученическому циклу, помимо георгиевского стиха, следует отнести стих о святом младенце Кирике, о Галактионе и Епистимии, о великомученице Варваре, об Иоанне-воине. Мученическая часть стиха о Егории во многом сходна со стихом о младенце Кирике. Но, несмотря на общую традицию, сходство схемы и реализации отдельных эпизодов и мотивов, различия между ними довольно существенны. Так, стих о святом младенце Кирике посвящен прославлению человека, обретшего святость благодаря верности христианскому учению и мученическому пути. Детальное описание подготовки очередных орудий пытки в нем призвано усилить впечатление от подвига ребенка, преодолевшего страх, уповающего только на Бога и ободряющего свою мать:

*Мати моя Улита!
Не утраишишь реву котельного,
Господь Бог нас помилует.*
[Барсов 1873, 604].

Чувство страха охватывает и самого Кирика, который «*жалко вопиюще глаголет ко царю ко небесному*»:

*Господи, Отец, Сын, Святой Дух!
Услышьте молитву святого младенца
Кирика —
Не отдайте на великое мучение
Ко царю ко неверному.*
[Варенцов 1860, 81].

Святые мученики тарсийские Кирик и Иулитта.

И Господь помогает мученикам: он услышал молитву младенца Кирика и «*двух ангелов на землю посылает*».

Человеческие чувства боли и страха испытывают и другие герои духовных стихов: великомученица Варвара «*вырвалась из рук ... тиранских*» [Селиванов 1988, № 32] отца и убежала; в малом стихе о Егории героиня, узнав правду об уготованной ей участи, обращается за помощью к небесам, плачет.

В стихе о Егории Храбром книжная молитва святого о заступничестве и поддержке превращается в прославление веры, Христа, Богородицы, Троицы, в пение «херу-

вимских стихов». Мотив вмешательства Бога или обращения к нему героя за помощью нетрадиционен для рассматриваемого сюжета, более того, подвергаемый мучениям «*Георгиев свет не возмолится*» [Бессонов 1861 — 1864, № 110]; о чувстве страха не упоминается ни в одном варианте, о последствиях мучений — лишь в белорусском стихе:

*Ницого Ягорьюшку не подеялся,
Одно яго лицыко путусьмяншло.*
[Романов 1891, № 6].

В данном эпизоде стих демонстрирует не мученический путь христианского святого, а неуязвимость необыкновенного человека для физических, телесных страданий. Возможно, эта особенность стиха шла от книжного апокрифического источника; бесстрастность героя могла быть продиктована и соответствующей житийной иконой (см. об этом: [Хлыбова 2000, 29—30]). Однако нельзя не учитывать влияние эпической традиции, в соответствии с которой чудесно рожденный ребенок обладает и физической неуязвимостью.

Итак, духовный стих о Егории Храбром, рисуя биографию героя, его детство, использует арсенал известных эпических мотивов. Это, во-первых, *чудесное рождение*, где реконструируются весьма архаичные элементы эпоса, довольно редко актуализируемые героической былинной (потрясения в природе, необычная внешность). Обращение стиха к архаике связано, как представляется, с неопределенностью эстетического статуса нового для эпической традиции героя. Стих явно осознает разницу между богатырями, служившими князю Владимиру и родине — Святой Руси, и христианскими святыми, связанными с миром божественным, с миром чудесным. Собственных, оригинальных средств выразительности у стиха еще нет, и он черпает их из известного эпического источника.

Во-вторых, в стихе присутствует мотив *эпического сиротства*, который по мере изменения идейных доминант стиха теряет свое структурное предназначение и сохраняется лишь по традиции.

В-третьих, осуществляется попытка создания новых мотивов, типологически сходных с традиционными. Так, мотивы *быстрого роста, раннего владения оружием* и подобные в соответствии с книжной агнографической моделью уступают место рас-

сказу о благочестии героя и его родителей⁴. И наоборот, агнографические описания стойкости и мужества христианских мучеников перед лицом физических страданий подвергаются влиянию фольклорной сюжетной логики.

По-иному преломляется тема детства в стихе о Федоре Тироне. Федор Тирон в стихе — змеборец, к тому же богатырь-малолетка. В своем строении стих опирается на существенные черты апокрифического жития Федора Тирона, «украшая и вместе с тем искажая их по приемам народной поэтики» [Веселовский 1879, 7]. Неправильно понятое обращение царя к Федору «чадо» как отца к сыну, а также известные эпические аналогии привели к тому, что царь превращается в отца героя, а содержание апокрифа обрабатывается по мотивам былин о героях-малолетках.

Исследователи предполагают, что образы богатырей-малолеток генетически связаны с обычаем «посвящения в среду взрослых воинов» [Мелетинский 1963, 203], что свидетельствует об архаичности самой темы ребенка-богатыря. Какие же трансформации претерпевает этот мотив и его функциональная роль в сюжете? «Эстетический смысл подобных мотивов, — по мнению Е.М. Мелетинского, — заключается в гиперболическом изображении сил молодого героя» [Мелетинский 1963, 204]. А.П. Скафтымов указывал на постоянный для былин мотив предварительной недооценки героя, а также на то, что «одна из любимых былинных ситуаций, осуществляющих и мотивирующих недооценку, это молодость героя» [Скафтымов 1994, 98]. В стихе о Федоре Тироне этот мотив решен аналогично былинному. Как и на призыв князя Владимира съездить «*во чисто поле к царицу Кудреваницу*» откликается только малолетний

⁴ Книжная агнографическая модель описания в полной мере реализуется в позднем по происхождению стихе об Алексие человеке Божиим, где герой рождается по молитвам благочестивых родителей, прилежно учится, скоро усваивает христианскую грамоту — «*божественное рукописание*», мечтает посвятить свою жизнь Богу. Параллели былинного героического детства и святого детства христианского подвижника в данном случае очевидны. Однако стих опирается на книгу [Адрианова 1917], а не перерабатывает известные эпические аналогии. В связи с этим в данной статье стих об Алексие человеке Божиим не рассматривается.

«Михайло да сын Данилович», и князь сомневается в его способностях [Григорьев 1939, № 19 (231)], так и в стихе «царь Контянтин Сауйлович» не верит в силы «млада человека Федора Тирина»:

*Ой ты еси, чадо милое,
Млад человек Федор Тирин!
Мальм ты малёшенек,
И разумом тупёшенек,
И от роду тебе двенадцать лет;
На боях ты не бывывал,
Кровавых ран не видывал,
На добре коне не сиживал,
Збруей ратной не владывал.
[Бессонов 1861 — 1864, № 125].*

В светском эпосе предварительная недооценка должна усилить восхищение физической силой и удалством героя во время его схватки с противником. В стихе же смысл вопроса иной — к традиционному «ты еще мал и не справишься» добавляется «на кого ты, чадо, надеешься?». В ответ герой произносит:

*Я надеюсь, сударь батюшка,
На Спаса на Пречистого,
На Мать Божью Богородицу,
На всю силу небесную,
На книгу Ивандилья,
На ваше великое блаславеньца.
[Бессонов 1861 — 1864, № 124; ср. также: Там же, № 122; Якушкин 1884, 510].*

Очевидно, что функция мотива в сюжете меняется: стих прославляет не физическую силу героя, а его веру в могущество Господа Бога. Самого сильного врага может одолеть и ребенок, если есть в нем вера и надежда на помощь Господа, ибо сила Божия в немощи совершается («сила моя совершается в немощи» [2 Кор. 12:9]). Сама тема малолетства героя в стихе приобретает, таким образом, принципиально иной смысл.

Если стих о Федоре Тироне следует христианскому прочтению темы детства не в полной мере (мотив надежды есть далеко не во всех вариантах, упоминание о помощи небесных сил во время трудного поединка, как правило, отсутствует), то совсем по-иному представлен герой-ребенок в упомянутом выше стихе о святом младенце Кирике и его матери Улите. Житие мучеников иконийских Иулитты и Кирика, помещенное в Четых-Минях св. Димитрия Ростовского, повествует о блаженной Иулитте, которая

была вынуждена бежать от гонителей христианства, попала в руки мучителя, претерпела страшные испытания, пережила смерть трехлетнего сына, разбившего голову на каменных ступенях лестницы по вине мучителя военачальника Александра, но, сохранив веру и упование на Господа, с радостью приняла смерть, чтобы соединиться со своим сыном в Царствии Небесном [Жития 1910, 359—363]. Стих делает главным героем сюжета Кирика, младенца «трех лет без трех месяцев». Неверный царь Максимиан схватил его «у церкви у соборных / У Петра у Павла», где он читал «книгу апостольскую», и принуждал «идолам молиться» [Варенцов 1860, 78—79]. Кирик на все угрозы и посулы царя отвечает отказом, заявляя о себе как о верном христианине, прославляя свою веру:

*Велика наша вера крещеная,
Велик наш христианский Бог.
[Варенцов 1860, 79].*

Преодолеть страшные мучения, которым подвергает Кирика и его мать Максимиан, помогают молитва, святые ангелы, которых на помощь Кирику посылает Небесный Царь, и животворящий крест, которым Господь осеняет очередное орудие пыток. В некоторых вариантах стиха мать Кирика «честная жена Улита», не выдержав мучений, «злую думу задумала, / Отстанет от Спаса от Пречистого, / От Матери Пресвятыя Богородицы» [Варенцов 1860, 84]. Преодолеть колебания и сомнения ей помогает молитва святого младенца. Вообще говоря, мать в стихе играет второстепенную роль — она во всем подчиняется воле сына. Так, на предложение царя Максимиана отказаться от своей веры Улита отвечает, что согласится, если будет согласен ее сын:

*«Неверный царь Максимиан!
Стала бы твою веру веровать,
Стала бы твоим идолам молиться, —
Есть у меня святой младенец Кирик,
<...>
Токо он станет твою веру веровать,
Твоим идолам молиться!»
[Варенцов 1860, 78].*

Тема малолетства, тема детства, как видим, в духовных стихах начинает звучать по-новому, насыщаясь евангельскими идеями. Христос призывал уподобиться детям: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [Мф. 18: 3].

Стать как дети — значит уверовать во Христа всем сердцем, с детской открытостью и доверчивостью. Такова одна из граней смысла евангельского призыва. Стих о младенце Кирике и воплощает эту идею. Истинная вера трехлетнего младенца спасла и его самого и его мать от страшных мук, спасла для жизни вечной.

С темой детства связана проблема взаимоотношений детей и родителей. Христианство совершает подлинный переворот в этой сфере. Мир патриархальных отношений строится на подчинении ребенка родителям, которые учат младшего, вводят его в общество взрослых людей, воспитывают на своих примерах. Христианство не отрицает родительского авторитета: «Почитай отца твоего и мать, — это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле», — читаем мы в послании к Ефесянам [Еф. 6:2—3]. Но повиновение должно быть «в Господе» («Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе» [Еф. 6:1]), другими словами, «повиновение детей родителям должно быть вполне согласным с требованиями христианства» [Толковая Библия 1911—1913, 271].

Христос признавал, что с его приходом отношения между людьми изменятся, что не избежать противоречий и разного рода потрясений: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» [Мф. 10:34—39]. Возлюбить Истину, возлюбить Бога более, нежели самых дорогих людей, «возненавидеть» [Лк. 15:26] их, если они препятствуют жизни во Христе, — вот что требуется от истинного христианина.

На этом пути неизбежны внутрисемейные конфликты, и история первых христиан знает такие примеры — как благополучные, когда отец вслед за сыном принимает христианство (преподобные Варлаам и Иоасаф), так и драматические, когда отец становится мучителем собственного ребенка. Русские духовные стихи успешно осваивают эту тему, более того — внутрисемейный конфликт, имеющий причиной миро-

возренческие разногласия, становится одним из излюбленных мотивов духовного стиха. «У Галактиона мученика, святого православного, / Родители были злые еллины неверные» [Бессонов 1861 — 1864, № 211] — суть конфликта обозначена уже в завязке. В некоторых вариантах стиха о младенце Кирике мучителем святого младенца является отец, что отражено в названии: «О святом младенце Кирике, о мучении, как его мучит царь, отец бывший ему, по ихному магометанскому закону» [Варенцов 1860, 77]. В стихе о великомученице Варваре мучителем дочери, в соответствии с житием, является отец-язычник. В сюжете о Егории и царевне родители отправляют дочь на смерть лютую к змею, мотивируя свое решение следующим образом: «Она верует веру всё не нашу» [Якушкин 1884, 491]. Дети принимают мучения от рук родителей, отдавая свои жизни, но не подчиняясь злой отцовской воле, не предавая свою веру.

Описание семейных драм — область народной баллады. Но баллада чаще всего не называет причины недобрых чувств родственников друг к другу. Характерной чертой этого жанра является недосказанность. Вот один из примеров:

*Воспоил, воскормил отец сына;
Воспоя, воскормя, невзлюбил сына;
Невзлюбя сына, со двора согнал...*
[Балашов 1963, 112].

Не так в религиозной поэзии: внутрисемейный конфликт всегда мотивирован мировоззренческими разногласиями. Родители не понимают детей, но правда на стороне последних. Дети преподают уроки стойкости, преданности, истинной веры. У них следует учиться взрослым.

Итак, духовные стихи значительно преобразуют традиционную для русского эпоса тему детства. Функция самого эпизода, описывающего ранние годы персонажа, остается прежней — указать на будущего героя, подчеркнуть его необычные свойства. Но эти необычные свойства связаны не с физической силой или магическими способностями, а с глубокой, всепобеждающей верой в Бога, со способностью всё перенести ради Бога, ради своей веры. Отсюда — изменение идейной нагрузки, композиционной роли того или иного мотива, появление новых мотивов в составе эпизода детства.

Показательны и те трансформации, которые произошли с мотивом малолетства героя. Ребенок побеждает грозного могуче-

го врага, потому что с ним Бог. Младенец в стихах попирает установления «мудрых и разумных» [Мф. 11:25], ибо ему открываются истины, которым он неукоснительно следует, подавая пример взрослым. Новые, отличные от традиционных эпических установки религиозного сознания, новые идеи, воспеваемые духовными стихами, привели к тому, что мотивы, генетически родственные былинным, либо заимствованные у былины, либо типологически сходные с былинными, служат теперь целям создания образа христианского героя, защитника веры, мученика за свои убеждения и победителя.

Литература

Адрианова 1917 — *Адрианова В.П.* Житие Алексея, человека Божия, в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917.

Ариес 1977 — *Ариес Ф.* Возрасты жизни // Философия и методология истории. М., 1977. С. 216—244.

Балашов 1963 — Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д.М. Балашова. М.; Л., 1963.

Барсов 1873 — Памятники народного творчества из Олонецкой губернии: Об Олонском песнетворчестве. *Е.В. Барсов.* — Былины — Духовные стихи — Свадебные обычаи и песни в Толвуйской волости // Записки Императорского Географического Общества по отделению этнографии. Т. 3. СПб., 1873.

Берковский 1973 — *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. Л., 1973.

Бернштам 2000 — *Бернштам Т.А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000.

Бессонов 1861 — 1864 — Калеки переходные: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. Вып. 1—6. СПб., 1861 — 1864.

Варенцов 1860 — Сборник русских духовных стихов / Сост. В. Варенцов. СПб., 1860.

Веселовский 1879 — *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. I. СПб., 1879.

Григорьев 1939 — *Григорьев А.Д.* Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899 — 1901 гг. Т. II. Прага, 1939.

Жирмунский 1960 — *Жирмунский В.М.* Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.

Жития 1910 — Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского с дополнениями,

объяснительными примечаниями и изображениями святых. Месяц Июль. М., 1910.

Кирша Данилов 2000 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000.

Кон 1988 — *Кон И.С.* Ребенок и общество. М., 1988.

Ляцкий 1912 — Стихи духовные — словеса золотые / Вступ. ст. Е.А. Ляцкого. Тексты избрал Е.А. Ляцкий при участии Н.С. Платоновой. СПб., 1912.

Марков 2002 — Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А.В. Маркова / Отв. ред. Т.Г. Иванова; изд. подгот. С.Н. Азбелев, Ю.И. Марченко. СПб., 2002.

Материалы 1906 — 1911 — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А.В. Марковым, А.Л. Масловым и А. Богословским. Ч. 1—2 // Труды музыкально-этнографической комиссии. Т. 2. М., 1906 — 1911.

Мелетинский 1963 — *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963.

Неклюдов 1974 — *Неклюдов С.Ю.* «Героическое детство» в эпосах Востока и Запада // Историко-филологические исследования: Сборник статей памяти академика Н.И. Конрада. М., 1974.

Николас Дэвид 1994 — Домашняя жизнь средневекового города: женщина, дети и семья в Генте XIV в. Изложение О.А. Акимовой // Средневековая Европа глазами современников и историков. Ч. 3: Средневековый человек и его мир. М., 1994. С. 304—305.

Озаровская 1922 — *Озаровская О.Э.* Бабушкины старины. М., 1922.

Пушкарева 1996 — *Пушкарева Н.Л.* Мать и дитя в Древней Руси (Отношение к материнству и материнскому воспитанию в X — XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 93—103.

Романов 1891 — *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. V. Витебск, 1891.

Селиванов 1988 — Былины / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 1988.

Скафтымов 1994 — *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин. Саратов, 1994.

Толковая Библия 1911 — 1913 — Толковая Библия или комментарий на все книги Святого Писания Ветхого и Нового Завета. В 3 т. Т. 3: Новый Завет. СПб., 1911 — 1913.

Толковая Палея 2002 — Палея Толковая / Пер. А.М. Камчатнова. М., 2002.

Хлыбова 2000 — *Хлыбова Т.В.* Святой Егорий на иконе и в духовном стихе // Традиционная культура. М., 2000. № 2. С. 27—35.

Якушкин 1884 — Сочинения П.И. Якушкина. СПб., 1884.